
ВАЛЕРИ БОУМЕН
ЗИМА В ГОСТИНИЦЕ «ЯБЛОНЕВЫЙ САД»
перевод Олеси Мирошниченко
18+
роман
МИФ

МИФ Проза

Валери Боумен

Зима в гостинице «Яблоневый сад»

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2026

УДК 821.111-312.5
ББК 84(7Сое)-441

Боумен В.

Зима в гостинице «Яблоневый сад» / В. Боумен — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281362-9

Мария привыкла проводить Рождество с семьей на калифорнийском побережье, но снежная буря, накрывшая Нью-Йорк, меняет планы, и вместо солнечного Лос-Анджелеса она оказывается в маленьком Харвест-Холлоу, в гостинице «Яблоневый сад», принадлежащей семье ее лучшей подруги. В компании человека, которого терпеть не может: Джесси, обаятельный и упрямый владелец местной пивоварни, кажется, получает удовольствие, выводя Марию из себя. Однако тихими зимними вечерами среди рождественских огней, когда воздух пронизан ожиданием чуда и ароматом горячего шоколада, взаимная неприязнь начинает превращаться в нечто совсем иное. Иногда одна снежная буря может изменить все – особенно если рядом тот, кого ты меньше всего ожидала полюбить.

УДК 821.111-312.5
ББК 84(7Сое)-441

ISBN 978-5-00-281362-9

© Боумен В., 2026
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2026

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Валери Боумен
Зима в гостинице «Яблоневый сад»

Original title:
SNOWED INN
Valerie Bowman

На русском языке публикуется впервые

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя.
Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2026 Valerie Bowman
SNOWED INN.
Copyright © 2026 by June Third Enterprises, LLC.
All rights reserved.
Published by arrangement with Avon, an imprint of HarperCollins Publishers.
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Посвящается всем читателям, кому пришлась по душе уютная история гостиницы «Яблоневый сад». Эта книга для вас

Глава 1

Утро накануне Рождества

Прямо сейчас я должна быть в Лос-Анджелесе, в кругу шумной, чудесной, слегка безумной семьи, уплетать бабушкины корнетти[1], готовиться к Празднику семи рыб[2] и уворачиваться от племянниц, которые упорно пытаются залезть на меня.

Вместо этого я здесь.

Среди метели.

– Добро пожаловать в гостиницу «Яблоневый сад»! – чуть ли не пропевает Донни, мой таксист, как только тормозит у огромного фермерского дома. Его чрезмерный энтузиазм вызывает у меня улыбку… и заставляет оторвать взгляд от бесконечной ленты социальных сетей.

И… *ого.*

Это потрясающе. Кругом метель, но мне хорошо виден четырехэтажный белый дом с верандой, украшенной темно-зеленой гирляндой с алыми бархатными бантами. С карнизов свисают огоньки, похожие на застывшие дождевые капли. Свежевыпавший снег укутывает мир чистым, сияющим покрывалом. Это место словно картинка из романтического рождественского фильма, где успешная карьеристка застревает в маленьком городке, встречает брутального красавца и начинает жить по-настоящему.

Это не про меня.

У меня другая жизнь.

Я со вздохом перекидываю тяжелую сумку на другое плечо и прижимаю к себе маленького черного котенка – кошечку. Она сонно зевает и льнет ко мне в поисках тепла. Бедняжку кто-то бросил в переулке. Мы с Донни заметили ее, одну, дрожащую от холода, десять минут назад. И нет, в моей жизни нет места домашним питомцам. Я едва успеваю позаботиться о себе, не говоря уже о каком-то беспомощном существе. Но я не могла просто оставить ее там. Что имеем – то имеем.

У меня жужжит телефон. Снова.

Мне не нужно проверять, чтобы узнать, кто это. Моника Мосс, актриса, которая прямо сейчас создает семьдесят три процента моих проблем.

Моника: Каким цветом мне накрасить ногти для съемок Tonight Show?

---

[1] Корнетто (*ит.* cornetto, множ. cornetti – «рожок», «полумесяц») – итальянская выпечка в форме полумесяца, популярная на завтрак с кофе. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

[2] Традиционный итало-американский ужин, который устраивают 24 декабря. *Прим. пер.*

У меня вырывается стон, и я едва сдерживаюсь, чтобы не швырнуть телефон в сугроб. Мне хочется ответить: *«Какая разница?»* – но вместо этого я пишу:

Я: Каким-нибудь нейтральным?

Хочу заметить, что у Моники нет никаких съемок для Tonight Show[3]. Пока даже в планах. Фильм, который должен прославить ее, выйдет только в июне. Ему пророчат стать летним блокбастером, но Моника не верит в терпение. Совсем. Она решила прямо сейчас манифестировать свою славу. А я, как ее пиарщик, должна подыграть. Конечно, с моей помощью у нее есть шансы стать яркой звездой к июню, но до этого еще полгода. Как и до гипотетического вопроса про цвет маникюра.

Ответ прилетает за секунду.

Моника: Нейтральный? Скучно!

Вот *такая* у меня жизнь. Я нянчусь с избалованной восходящей кинозвездой вместо того, чтобы заниматься тем, что действительно люблю: пиар-стратегией, брендингом и созданием шумихи. Монике не нужен пиарщик, она хочет личного стилиста, психотерапевта и коуча в одном флаконе. Это все не про меня.

Моя начальница? Она сказала быть с Моникой помягче, ведь, если фильм выстрелит, как все предрекают, следующим летом, она станет новой it girl[4] Голливуда. Так что вот она я, веду диалог про цвет маникюра во время отпуска. Раньше работа приносила мне намного больше удовольствия. А теперь я чувствую себя высокоуровневой нянькой, которая занимается проблемами людей, считающих, что сломанный ноготь – это достаточный повод для истерики. И хуже того, мне все равно.

Я бросаю телефон в большую сумку и поворачиваюсь к Донни, который только что не вибрирует от удовольствия, вытаскивая мои немаленькие чемоданы из багажника.

– Ты любишь это место, да? – спрашиваю я, наблюдая, как он буквально подпрыгивает от нетерпения. Помимо того что Донни – один из двух таксистов в Харвест-Холлоу, штат Нью-Йорк, он еще и работает в гостинице носильщиком.

– Еще спрашиваешь! Здесь волшебно, – говорит он с широкой улыбкой. – Самое то в Рождество, тебе понравится.

Я снова смотрю на фермерский дом. Его приветливые огни сияют на фоне серого неба, а изнутри веет теплом. Я чувствую, как напряжение уходит из плеч – первый раз за день.

Что я здесь делаю? Моя лучшая подруга Элли уговорила меня приехать, когда все рейсы из Нью-Йорка отменили из-за метели. Она и ее семья владеют этой гостиницей, а ее фантастический новоиспеченный парень Эйден и его родители – яблоневым садом и прилегающей территорией. Я благодарна, что меня пригласили в последний момент, но уже скучаю по Нью-Йорку. По моей крошечной студии на Манхэттене, которая так дорого мне обходится. По бесконечному гулу машин. По доставке еды в любое время суток. А этот городок находится где-то в восточной части Лонг-Айленда.

Но все же сегодня сочельник, и я намерена хотя бы попытаться повеселиться.

Я еще раз осматриваюсь. Помимо снега и гирлянд, атмосферу дополняют стоящие внутри у больших окон две сияющие ели и венки на деревянных входных дверях: они из пихты и украшены большими красными бархатными бантами. На углу веранды высится деревянный указатель с надписью «Счастливых праздников!», а у входной двери тебя приветствует снеговик в человеческий рост, сделанный из ваты. Ладно. Даже я вынуждена признать, что здесь

[3] Tonight Show – американское ночное ток-шоу, выходящее на канале NBC с 1954 года. В настоящее время его ведет Джимми Фэллон.

[4] It girl – термин, обозначающий девушку, оказывающую большое влияние на аудиторию. Как правило, it girl ведет светский образ жизни, является законодательницей моды, а на ее блоги в социальных сетях подписаны миллионы пользователей.

рождественская атмосфера ощущается сильнее, чем в Лос-Анджелесе. Хорошо, что Эл пригласила меня. Я намерена выжать максимум из этой поездки. Хочу быть больше похожей на Санта-Клауса, чем на Гринча.

– Пойдем, Крисмас[5], – бормочу я котенку, перехватывая его поудобнее. – Найдем тебе еды.

Котенок доверчиво смотрит на меня своими большими глазами. Мне становится не по себе. Я не из тех, кто привязывается к кому-то или чему-то, а этот крошечный пушистый комок уже проверяет мои границы на прочность.

Я не планировала заводить кошку… если честно, примерно никогда, но у судьбы другие планы. Я заметила ее, крошечное черное пятнышко на бескрайнем белом снегу, по дороге с вокзала и заставила Донни остановиться. Очевидно, что я назвала ее в честь Рождества. И теперь, судя по всему, мы в одной лодке.

Я аккуратно поднимаюсь по ступенькам, каблуки цокают по дереву. Не самый удачный выбор обуви для снегопада, но красота требует жертв. Я останавливаюсь у двери, опускаю взгляд на медную дверную ручку в форме яблока, качаю головой и слегка улыбаюсь. Здесь определенно все связано с яблоневым садом.

Мое внимание привлекает движение в большом окне, и я улыбаюсь шире. Это мопс в оранжевой пижаме, собака родителей Элли – Пампкин. Вы, возможно, не знаете, но он интернет-сенсация. Мы сделали его знаменитым прошлой осенью, когда он был звездой осеннего фестиваля урожая в гостинице «Яблоневый сад». У Пампкина более двухсот пятидесяти тысяч подписчиков в соцсетях. Он пес-инфлюенсер.

Я машу Пампкину и захожу в гостиницу. Как только я переступаю порог, меня встречает тепло. Вместе с запахом мяты и чего-то шоколадного, который окутывает меня, словно уютный свитер. Это неожиданно… приятно. Я вдыхаю. Может быть, здесь не так уж и плохо. Я никогда раньше не встречала снежное Рождество.

Хоть здесь и красиво, эта метель разрушила мои планы. Мой рейс в Лос-Анджелес отменили – все крупные аэропорты закрылись, будто Вселенная лично решила, что я должна встретить Рождество в одиночестве. Я могла бы остаться в городе, киснуть в своей крошечной квартирке и листать ленты социальных сетей еще интенсивнее, чем обычно, но Элли не позволила этому случиться. Она позвонила мне и приказала – своим привычным командным тоном – садиться на поезд до Харвест-Холлоу. Поэтому я здесь, шагаю по сугробам, словно в рождественском шаре, вместо того чтобы греться на солнышке с семьей. Единственное утешение? Элли поклялась, что Джесси Батлера – этого невыносимого пивовара, который умудряется действовать мне на нервы каждый раз, когда я его вижу, – здесь не будет.

Холл завален горами верхней одежды, а гости с румяными от мороза щеками потягивают какао, пока сапоги оставляют мокрые лужицы в маленьких резиновых поддонах у камина. Этих гостей тоже занесло снегом. Думаю, *все* мы в одной лодке.

– Мария!

Я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы увидеть Эл, которая бежит ко мне с сияющими от восторга глазами.

– Почему ты не написала мне? Мы с Эйденом собирались встретить тебя! – упрекает она, но тут ее взгляд падает на пушистый комок у меня в руках. – Подожди… Господи. Откуда у тебя котенок?

– Долгая история, – говорю я, стягивая черное шерстяное пальто.

Элли протягивает руки, и я с радостью передаю ей котенка. Она тут же прижимает его к себе и начинает сюсюкать мягким, нежным голосом, который заставляет меня задуматься,

[5] Christmas, то есть Рождество. *Прим. пер.*

как мы вообще умудрились оставаться подругами все эти годы. Она теплый и добрый человек, а я… ну, не совсем.

– Я бы оставила его, но у меня аллергия, – виновато говорит Элли, почесывая котенка за крошечным ушком. – Мне даже придется выпить таблетку только потому, что я ее погладила. – Она возвращает котенка мне.

Черт. Втайне я надеялась, что Элли возьмет на себя всю эту «ответственность». Мы с Крисмас переглядываемся. Уверена, она бы тоже предпочла Элли. Бедная девочка.

Впрочем, я тут же забываю о своем разочаровании, когда входная дверь распахивается и входит *он*.

Джесси Батлер.

Клянусь, температура в помещении падает на десять градусов.

Высокий, широкоплечий, в татуировках и до невозможности бесячий. Джесси тридцать, он носит бейсболку и управляет пивоварней сада. Все наши прошлые стычки были скорее словесными баталиями, чем дружескими подколками. Когда мы впервые встретились прошлой осенью, он обвинил меня в том, что я избалованная богатая девчонка, не успела я с ним поздороваться, а я, возможно, намекнула ему, куда он может засунуть свой сидр. Он был до невозможности груб, а я в той же степени беспощадна. А теперь что? Он просто действует мне на нервы, что особенно раздражает, потому что, если бы у меня и был типаж – а его нет, – он, скорее всего, выглядел бы именно так. Светловолосая, голубоглазая гора мышц – это мое. А вот клетчатая рубашка, термобелье с длинным рукавом и рваные джинсы – совсем нет. Обычно я встречаюсь с парнями, чьи часы стоят больше, чем весь гардероб Джесси. Идеальный типаж в теории и бестолковый в реальности.

Однажды, сразу после университета, я серьезно влюбилась в такого персонажа. Его звали Тревор. Он был красивым, успешным и обладал тем самым манхэттенским шармом. Я открылась ему, глупо поверив, что он, возможно, действительно тот самый. Он им не был. Он ушел, а я чувствовала себя дурой, раз впустила его в свою жизнь.

После этого я стала умнее. Не углубляться. Не усложнять. Уходить первой. Так проще. Понятнее. По крайней мере, так я себя убеждаю.

А Джесси? Он противоположность любого мужчины, с которым я встречалась. Он создает впечатление парня, который случайно начал работать в пивоварне и так там и остался. Он из тех, кто доволен тем, что разливает напитки в маленьком городке, и ему не нужно строить планы на пять лет вперед. Что ж, это нормально. Просто… это не про меня. (У меня есть план на десять лет, большое спасибо за внимание.) И именно поэтому его привлекательность бесит вдвойне. Он может выглядеть как ожившая реклама Calvin Klein, но при этом быть еще и полным придурком.

– Так-так, – тянет Джесси, а его светло-голубые глаза хитро блестят. – Сама мисс Агостини почтила нас своим присутствием.

Я хмурюсь:

– Джесси, – мой голос сочится неприязнью. Я даже не пытаюсь это скрыть.

– Котенок? – спрашивает он, подходя ближе. Он выглядит таким же удивленным, как и Элли, увидев Крисмас у меня в руках.

– Да, – говорю я, чуть крепче прижимая котенка к себе. – Ищу для нее дом. И нет, ты ее не получишь. – Еще минуту назад я была готова отдать эту девочку первому встречному, но если ее хочет Джесси – *нет*.

– Расслабься, *принчипесса*[6], – ухмыляется он. – Я просто хотел сказать, что она выглядит голодной.

[6] Принцесса *(ит.)*.

Он исчезает в коридоре, а я пользуюсь моментом, чтобы злобно зыркнуть на Элли, потому что она говорила мне, что Батлера – или Бейсболки, как я предпочитаю его называть, – здесь не будет.

Она уже выглядит виноватой, и хотя пытается держаться непринужденно, у нее ничего не выходит.

– Я думала, ты сказала, что Джесси не работает на Рождество, – замечаю я, потому что именно это она и говорила по телефону пару часов назад, когда уговаривала меня приехать.

– Я соврала, – признается Элли. О да, она точно выглядит виноватой. Хорошо, что хотя бы честна со мной сейчас. Но черт возьми, я рассчитывала отдохнуть здесь, а теперь мне придется иметь дело с Джесси?

– Ему не с кем встречать Рождество, – продолжает Элли, глядя на меня своими самыми жалобными щенячьими глазами. И она знает, что теперь я не смогу возразить, потому что я не могу представить свою жизнь без семьи. Мои родные – это весь мой мир. Особенно мой старший брат Лука. Мы очень близки.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, Джесси возвращается с маленькой миской воды и тарелкой с тем, что выглядит и пахнет как тунец. Откуда он так быстро раздобыл кошачий обед, я никогда не узнаю. Он ставит тарелки на пол у стойки, как будто ничего особенного не происходит и он делает это постоянно.

– Как ее зовут? – спрашивает он, скрещивая руки на своей чересчур широкой груди.

– Крисмас, – отвечаю я ему.

Он на мгновение задумывается, а затем предлагает:

– Иви[7] ей больше подходит.

Мы наблюдаем, как Крисмас – или Иви, как зовет ее Джесси, – набрасывается на еду. Мне не нравится, что из-за этого мое сердце начинает глупо трепетать. Но накормить голодного котенка – это ведь правда хороший поступок.

Я прочищаю горло, подавляя это странное, пробирающее до дрожи чувство.

– Спасибо, – цежу я сквозь зубы.

– Не за что, – отвечает он, сверкнув своей бесячей улыбкой, и предлагает: – Загляни вечером в бар, я угощу тебя напитком.

Я выдавливаю еще одну натянутую улыбку. Последнее, чем я собираюсь заниматься, – это любезничать с Джессом Батлером. Мне плевать, даже если это Рождество. У меня докторская степень по искусству затаивать обиды.

– Нет, спасибо, – говорю я.

Сначала он хмурится, потом пожимает плечами:

– Как хочешь.

Я вздыхаю. Если эта метель не стихнет, Рождество будет о-о-очень долгим.

[7] Eve *(англ.)* – «канун». Вторая часть идиомы Christmas Eve, то есть «канун Рождества».

Глава 2

Все номера заняты, поэтому Элли поселила меня в пентхаус. В гостинице «Яблоневый сад» это означает уютную двухкомнатную мансарду. Она на четвертом этаже, с покатыми потолками и с уютно дребезжащими тепловыми радиаторами. Здесь мило, слегка дует, а комнаты заставлены маленькой мебелью и завалены мягкими пледами всех оттенков красного и зеленого. Не совсем мой стиль, но в этом есть свое очарование.

Что из этого менее очаровательно? Новость от Элли, что Джесси Батлер тоже живет на территории сада, а значит, столкновения с ним практически неизбежны. Повезло так повезло.

Протащив мои чемоданы четыре лестничных пролета, Донни отвесил мне театральный поклон. Я дала ему чаевые сверху – за представление и за то, что он ни разу не пожаловался. Честно говоря, этот человек заслуживает медали. Мои чемоданы *очень тяжелые*.

Я сажусь на край кровати и листаю «Инстаграм»[8], как настоящая мазохистка, ставлю лайки чужим праздничным столам и делаю вид, что мне все равно. У всех на фото – блеск и порядок. А я застряла на чердаке в глуши. И хуже того: у меня упали охваты. *Сильно* упали. Наверное, потому, что все наслаждаются праздником в кругу семьи.

Я оглядываюсь по сторонам. Надо признать, у Эл теперь очень уютная жизнь. Прошлой осенью, когда гостиница и сад переживали не лучшие времена, Элли приехала сюда, чтобы помочь семье организовать осенний фестиваль урожая, а я подключилась как пиарщица. Мы обе вкалывали как проклятые, чтобы все получилось. Фестиваль принес кучу денег и прославил это место. Потом Элли уволилась из крупного ивент-агентства в городе и осталась здесь – жить и работать с семьей и Эйденом. Мы стали реже видеться. Я скучала по ней.

Я встаю и открываю первый чемодан. Сверху лежит потрясающее платье от Dolce & Gabbana – из красного атласа с корсетом, которое я планировала надеть на Новый год в Лос-Анджелесе. Обидно, когда такое платье пропадает зря. Я все еще не теряю надежды, что метель утихнет, рейсы возобновятся, а я скоро буду потягивать шампанское под калифорнийским солнцем.

Я достаю платье из чемодана и показываю его Крисмас, чтобы та оценила.

Пока я разбираю вещи, она смотрит на меня на удивление понимающим взглядом. Оказывается, когда рядом кто-то, с кем можно поговорить, – даже если тебе не отвечают, – довольно приятно. И нет, я не привязываюсь. Она просто гостья, пока я не найду ей новый дом. Где угодно, только не у Бейсболки.

---

[8] ◊ Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Телефон вибрирует, Лука звонит по FaceTime. Я провожу по экрану и отвечаю.

– Мария, где ты, черт возьми, пропадаешь? – спрашивает он, и экран подпрыгивает, пока он запихивает в рот кусок чего-то съестного. – Мама грозит отправить тебе лазанью через FedEx[9].

– Я в мансарде рождественской гостиницы на Лонг-Айленде, – бесстрастно отвечаю я.

Он моргает:

– То есть… по собственной воле?

– Не совсем. Из-за метели отменили рейсы. Эл предложила остановиться у нее.

Лука наклоняется к экрану и прищуривается.

– Там что, стены из деревянных панелей? Ты в рождественском фильме про маленький городок? Моргни два раза, если тебя похитили праздничные культисты.

Я искоса смотрю на него:

– Кто такие праздничные культисты?

Он пожимает плечами:

– Ну не знаю. Люди, которым реально нравятся праздники?

Вот почему я обожаю своего брата. Из всех членов нашей семьи его абсурдный взгляд на жизнь наиболее близок моему.

Я поднимаю котенка, чтобы показать Луке.

– Я нашла бездомыша. Ее зовут Крисмас.

Он прикрывает рот рукой:

– Боже мой. Ты привязываешься к животному. Все хуже, чем я думал. Мне заказать частный самолет, чтобы забрать тебя?

Я усмехаюсь:

– Я бы согласилась, если бы это сработало. Но я в порядке. Почти. Если не считать, что мои сапоги, кажется, безнадежно испорчены и я, возможно, успела поссориться с барменом.

– Ты в ударе, Агостини. – Лука становится немного серьезнее. – Но если серьезно, мы по тебе скучаем. Мама кричит, что скампи[10] без твоих «полезных» комментариев не тот.

Я сглатываю подступивший к горлу ком:

– Передай ей, что она переваривает креветки.

– Договорились. С Рождеством, сестренка. Позвони нам позже, хорошо?

– Да. Я позвоню.

Я со вздохом вешаю трубку и кладу котенка обратно на кровать, чтобы продолжить разбирать вещи. Не могу не заметить, что она одобрительно мяукает, когда я достаю свои лучшие наряды. Хм-м. Похоже, она модный котенок. Хотя, кажется, иногда она меня осуждает – и как-то косо на меня посматривает, вылизывая лапки.

Как только я аккуратно убираю всю одежду в шкаф, телефон снова оказывается у меня в руках. В социальных сетях сплошной праздник, отчего мне становится по-настоящему грустно. И когда моя жизнь превратилась в один бесконечный скроллинг? Мне нужно выйти на улицу и потрогать траву. Или в моем случае снег. Я глажу Крисмас по голове и кидаю телефон в сумку.

Пора прогуляться, несмотря на метель.

Через несколько минут я медленно пробираюсь к продовольственному амбару, и *нет,* я не собираюсь принимать предложение Джесси выпить стаканчик – у меня совсем другое дело. Мне отчаянно нужен один из мятных брауни Сэры. Элли рассказывала о них весь месяц. Сейчас мой шанс стащить один… или три. Неважно.

Сэрафина – «кармический» пекарь гостиницы и сада. Я не очень хорошо ее знаю, но она мне очень нравится. Ей двадцать восемь, она на год младше меня и, как некоторые говорят,

[9] FedEx – ведущая глобальная служба экспресс-доставки документов и грузов по всему миру. *Прим. пер.*

[10] Скампи – блюдо из жареных креветок с чесночным соусом. *Прим. пер.*

слегка эксцентрична. У нее длинные черные волосы (иногда фиолетовые), пронзительные зеленые глаза и татуировки с изображением Вселенной. Она гадает на Таро, носит много золотых цепочек и, по ее собственным словам, добавляет в выпечку немного магии. Не знаю, правда ли это, но то, что ее выпечка невероятно вкусная, – это факт. И для меня этого достаточно.

Я стою у входа в продовольственный амбар, сбивая снег с сапог. Господи. Стильно одеваться в такую погоду – это уже подвиг. Во-первых, мне нужен брауни, потому что у меня есть приоритеты. Во-вторых, мне нужно пристроить крошечного черного котенка. И если в этом городе кому-то и суждено завести черную кошку, то это Сэре.

Как только я делаю первый шаг к ее прилавку, мой телефон вибрирует. Я достаю его из сумки, смотрю на экран – и вот оно, то самое сообщение, которое портит мне настроение.

Моника: Какого цвета платье мне выбрать для премьеры?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и считаю до трех.

Сегодня канун Рождества. Я в *отпуске*.

Я пишу в ответ:

Я: Какого-нибудь классического. Черное, красное, темно-синее.

Моника: Скучно! Может, желтое?

У меня вырывается стон. Эта женщина желает, чтобы ее опекали, но отказывается слушать, когда дело доходит до реального совета.

Я: Желтый цвет капризный. Нужен правильный оттенок.

Моника: Золотой?

Я сойду с ума.

Я закидываю телефон обратно в сумку, пока не написала что-то, за что меня уволят. Прямо сейчас мне просто нужен брауни.

Я оглядываюсь по сторонам. Амбар украшен так, будто сошел со страниц рождественской сказки: огромные елки с ослепительными серебряными и красными шарами, белые мерцающие огоньки и гирлянды, обвивающие каждую деревянную колонну. В воздухе витают ароматы сосны, мяты и шоколада – наверное, именно так пахнет Северный полюс. Огромные венки из пихты с яркими красными бантами висят над барной стойкой и над прилавком пекарни.

Сейчас начало дня, и в амбаре пусто. Думаю, у большинства гостей тихий час. Или, может, они просто прячутся от метели. Не могу их винить. На улице довольно мерзко. По словам Элли, работа в гостиничном бизнесе – это работа триста шестьдесят пять дней в году. Гостиница работает круглый год, и пекарня с пивоварней тоже, потому что они обслуживают гостей. Что в данный момент – хорошо… по крайней мере, для меня.

– Мария!

Я морщусь.

Я надеялась проскользнуть незамеченной. Но нет. Сэра – благослови ее восторженную душу – только что объявила о моем прибытии, будто я Санта-Клаус, вернувшийся в мастерскую игрушек.

Голова Джесси Батлера резко поднимается из-за барной стойки. Его голубые глаза встречаются с моими. Он ухмыляется.

Черт.

Просто фантастика. Он точно теперь думает, что я пришла сюда ради него. Он, наверное, предполагает, что я сейчас растаю от предложенного им напитка, как будто это роза в «Холо-

стяке»[11]. Мимо. Чем меньше времени я провожу на его орбите, тем меньше шансов, что меня обвинят в злостном закатывании глаз – или в нападении.

Я решительно иду налево – к Сэре и ее стороне амбара, – давая понять очевидный факт, что я здесь не ради бесплатного напитка от Бейсболки. Если я выкрикну эту информацию на весь зал, это будет слишком мелочно? Наверное, да. Ограничусь холодным кивком в его сторону.

Не то чтобы мне было дело, заметит он или нет.

И я собрала волосы в небрежный пучок и надела уютный и свободный черный кашемировый свитер определенно не из-за Джесси.

У меня отпуск. Я могу носить все что угодно.

К тому времени, как я добираюсь до стойки пекарни, воздух наполнен ароматами мяты и шоколада. Я более чем готова к своему брауни.

Я бы полностью наслаждалась этим моментом, если бы не проблема в шесть футов два дюйма за барной стойкой в нескольких метрах от меня. Светловолосая, до безумия горячая, покрытая татуировками проблема. *Это тот же парень, который был очень груб со мной при первой встрече,* напоминаю я себе, прежде чем мои мысли вернутся к его мускулистым рукам.

Я не знаю, почему он был таким грубым, – Эл потом говорила что-то о том, что у него был плохой день, но мне все равно. Я не склонна давать второй шанс людям, которые ведут себя как козлы.

И тем не менее вот он. Улыбается мне. Как будто я все забыла. Я демонстративно отворачиваюсь к пекарне.

– Давненько мы тебя не видели, – замечает Сэра после того, как мы здороваемся.

– Да. Было много работы. – Жалкое оправдание, и мы обе это знаем. – Я приехала специально за брауни, – быстро добавляю я. – Эл говорит, они лучшие.

– Ох. Элли такая милая. Ей нравится все, что я готовлю.

– Не без причины, – отвечаю я. – Если брауни хоть немного похожи на твои пончики на яблочном сидре, я влюблюсь.

Из-за барной стойки раздается громкий кашель. Джесси слегка повернулся в нашу сторону. Он притворяется, что моет кувшины для пива, но явно подслушивает. Это очевидно. Какой *любопытный*.

Я продолжаю игнорировать его. Сэра исчезает в подсобке и возвращается с одним из самых больших брауни, которые я когда-либо видела. Она вручает его мне будто награду, и я с радостью принимаю его обеими руками. Он теплый, тает внутри и пахнет шоколадным раем.

Я уже собираюсь откусить гигантский кусок, когда меня осеняет:

– Там, случайно, нет ничего не учтенного?

Сэра, смеясь, хлопает по стойке.

– Конечно нет, – говорит она. – Я не прибегаю к дешевым трюкам. Мои брауни и горячий шоколад заряжены настоящей магией.

Мне хочется спросить, что она имеет в виду под «настоящей магией», но, по правде говоря, мне все равно. Если этот брауни заколдован, я с радостью позволю ему сделать свое дело. Может, он остановит метель.

– Волшебный горячий шоколад? – переспрашиваю я скорее из вежливости.

– Да, это любовное зелье, – сообщает она мне, в ее глазах загорается озорной огонек.

– Пра-а-а-а-авда? – отвечаю я почти рассеянно, потому что в основном просто облизываюсь на брауни, который держу перед носом.

---

[11] В американском реалити-шоу «Холостяк» (The Bachelor) роза – символ расположения главного героя (холостяка). С ее помощью он показывает, кому из участниц хочет уделить время и кого оставить в проекте, а кого вынужден исключить.

Как раз когда я откусываю первый кусочек (который оказывается совершенством), я слышу:

– Эй, *принчипесса,* так что насчет напитка?

Мне нет нужды оборачиваться.

– Нет, спасибо, – отвечаю я, все еще сосредоточенная на своем брауни.

Джесси называет меня *принчипессой* с тех пор, как обвинил меня в том, что я принцесса, а я поправила его на итальянском. Козел. Он понятия не имеет, насколько он неправ. Но я не собираюсь тратить силы на объяснения. В любом случае это не его дело.

– На зимних праздниках я делаю шоколадно-мятный мартини, – почти певуче зовет Джесси, и, честно сказать, черт бы его побрал, потому что мало что я люблю больше, чем праздничный мартини.

Я бросаю взгляд на Сэру, приподнимая бровь.

– Мартини и правда хорош, – подтверждает она громким шепотом. – Он кладет туда шоколадную мятную палочку.

Опять черт возьми. Ладно. Я защитным жестом прижимаю свой брауни к груди, будто настоящую сумку Birkin, и поворачиваюсь.

– Присмотри за мной, – шепчу я Сэре. – Позвони Эл, если я возьму его в захват.

Она смеется.

– Джесси на самом деле довольно хороший парень.

Я прищуриваюсь, обдумывая эту информацию. Я слышу это уже второй раз. Эл уже пыталась заставить меня поверить в это. И все же я лично не видела, чтобы Джесси был «довольно хорошим парнем», кроме того случая с «я накормил голодного котенка».

Должна признать, Эл задела меня за живое, когда сказала, что у Джесси нет семьи, поэтому в праздники он остается здесь. Мне грустно думать о том, что у кого-то нет семьи. Каково это? От этого я сильнее скучаю по своей собственной. Я не знаю, что бы я делала без Луки или нонны[12], мамы, папы или моих сестер Вероники и Жаклин. Они близняшки. Я – младшая в семье и единственная, кто не живет в Лос-Анджелесе, а значит, единственная, кто прямо сейчас пропускает наше семейное Рождество. Меня одолевает тоска по дому, но я хотя бы смогу позже поговорить со всеми по FaceTime.

Все еще прижимая к груди свой брауни, я решительно направляюсь к барной стойке. Джесси уже за работой – уверенными движениями наливает в шейкер мятную водку и шоколадный ликер. Черт побери. Ненавижу, когда люди, которые мне не нравятся, оказываются компетентными. А еще терпеть не могу, когда они слишком горячие или когда одеваются в стиле небрежного бармена. До добра это не доводит.

Я настороженно подхожу к барной стойке:

– Мартини, да? Я думала, у тебя только сидр и пиво. – Я наблюдаю за ним, все еще прищурившись.

– Теперь, когда я совладелец бара, я расширил меню.

Я моргаю.

– Ты владелец?

– Ага. После того как Элли купила долю в гостинице, она и Эйден позволили мне и Сэре выкупить доли в продуктовом амбаре. Теперь мы все партнеры.

Хм. Я этого не знала.

Джесси заканчивает готовить мартини, аккуратно окуная край бокала в толченую мяту, а затем добавляет маленькую мятную палочку, покрытую шоколадом.

Когда он протягивает мне напиток, на его лице появляется самодовольная ухмылка.

---

[12] Бабушка *(ит.)*.

– Не обижайся, если мне не понравится, – предупреждаю я. – Я немного… привередлива в отношении напитков. – Напитков, одежды, моего пятилетнего плана мирового господства… всего помаленьку, понимаете?

– Тебе понравится, – говорит он так уверенно, будто всю жизнь занимался только коктейлями.

Я закатываю глаза, но все же делаю глоток. И… *вау*. Это невероятно.

– Довольно неплохо, – говорю я небрежно, будто мои вкусовые рецепторы не устраивают сейчас парад с конфетти.

– Врушка, – говорит Джесси, широко улыбаясь.

Я пытаюсь не улыбнуться.

– Ладно. Это очень хорошо. Мне без разницы.

Его глаза быстро расширяются.

– Ого. Я не думал, что ты это признаешь.

Я пожимаю плечами:

– Это же Рождество.

И, вопреки здравому смыслу, делаю еще один глоток.

Глава 3

Снаружи все еще бушует метель, но в амбаре тепло и уютно. Отчасти поэтому я до сих пор не ушла. Другая причина? Брауни и мятный мартини.

Я сижу у барной стойки, подперев подбородок рукой, и листаю ленту, будто это моя полноценная работа. И, честно говоря, в последнее время так оно и есть. На самом деле, то, что когда-то было успешной карьерой в сфере связей с общественностью в одном из лучших агентств Манхэттена, в последние дни превратилось в бесконечный скроллинг ленты. Моя работа когда-то зажигала меня, но теперь кажется, что я гонюсь за чем-то, чего больше не существует или, возможно, никогда и не существовало. Сегодня в Сети особенно токсично. На данный момент я увидела ровно семьдесят две счастливые семьи в одинаковых пижамах. Такое ощущение, что интернет объявил мне вендетту. Раньше я кайфовала от трендов и активности. Теперь меня это просто бесит. В последнее время это кажется не столько творчеством, сколько выживанием. Хватит. Я шлепаю телефон экраном вниз себе на колени.

Я оглядываюсь по сторонам. Белые огоньки пересекаются над головой, отбрасывая мягкий свет на деревянные балки и декор в деревенском стиле. В дополнение к мяте и шоколаду в воздухе витает аромат чего-то восхитительно маслянистого, и на мгновение я почти забываю, что застряла в этой захолустной дыре во время метели.

Почти.

Несколько других гостей присоединились к нам, устроившись в уголках. Они потягивают напитки и обмениваются историями, вероятно так же отчаянно пытаясь сбежать от уютных обоев и обязательных настольных игр в гостинице.

Я делаю еще один глоток коктейля и снова смотрю в сторону двери, словно пристальный взгляд на кружащийся снег за заиндевевшими окнами каким-то чудом материализует в моей руке билет до Лос-Анджелеса. Увы, но нет.

Я поворачиваюсь и встречаюсь взглядом со своим отражением в зеркале за барной стойкой. Вот она я, во всей своей красе – копна темных кудрей кое-как собрана в небрежный пучок, который готов развалиться от одного движения головой, и огромные карие глаза, обрамленные моей гордостью – натуральными ресницами, до того нереально длинными, что им практически нужен свой почтовый индекс. Но что-то кажется космически *неправильным,* будто я провалилась сквозь шкаф в какую-то альтернативную вселенную. Нет, серьезно? Сегодня сочельник, и вместо того, чтобы быть с семьей на Западном побережье, из всех возможных мест я сижу на барном стуле в амбаре на Лонг-Айленде! Вот это сюжетный поворот. Вселенная явно перебрала с гоголь-моголем, прежде чем планировать мой день.

Я качаю головой. Я отказываюсь быть несчастной, это вредно для кожи. Но комок подкатывает к горлу, прежде чем я успеваю его сглотнуть. Я с силой проглатываю его. Я *не* плакса. Тем более на публике. Тем более в барах. Но я не могу перестать представлять своих племянниц в одинаковых клетчатых пижамах, разрывающих оберточную бумагу и визжащих друг на друга, пока нонна требует, чтобы кто-нибудь нашел ей пульт и она могла включить трансляцию мессы. Папа будет дразнить маму за ее одержимость рождественскими салфетками, а Лука будет пытаться незаметно зажечь камин, хотя его отстранили от этой обязанности после Великого Каминного Инцидента 2017 года.

А я здесь. Пью одна. На шикарных каблуках, которые никто даже не может оценить. Ну, если не считать Бейсболку, и я его не считаю. (Сэра носит черные кроксы, прости ее Господь.)

Ладно, мне действительно нужно взять себя в руки. Пойду в туалет, обрызгаю лицо водой. Должно помочь.

Я ставлю бокал на стойку, делаю глубокий вдох и спрыгиваю со стула.

Или, по крайней мере, пытаюсь.

Каблук цепляется за перекладину, и прежде чем я понимаю, что происходит, я лечу вперед.

У меня вырывается испуганное, абсолютно недостойное:

– О черт…

Сильные руки хватают меня за плечи, удерживая, прежде чем я успеваю врезаться лицом в витрину с имбирными человечками вдоль барной стойки.

– Осторожнее, Мария.

Я поднимаю взгляд – и, конечно, это Джесси. Я чувствую его теплые пальцы на моей обнаженной руке. От этого прикосновения кожа тут же покрывается мурашками. Наши взгляды встречаются.

И… о нет.

Между нами определенно пробежала искра.

Осознание.

Пламя.

То, что нельзя объяснить погодой, усталостью или очень хорошей мятной водкой.

Джесси прочищает горло, но его рука задерживается на моей на долю секунды дольше нужного, прежде чем он делает шаг назад. И я не могу не заметить, что от него пахнет сосной и мылом, и от этого у меня почему-то дрожат коленки.

– Ты всегда так спешиваешься? – небрежно спрашивает он. – Или это был твой фирменный рождественский мордой-в-пол?

Я фыркаю, поправляя волосы:

– Это был тактический просчет.

Он выразительно смотрит на мои каблуки:

– Ну, это буквально архитектурная опасность. Я просто говорю… у OSHA[13] были бы вопросы.

Я хмурюсь, но уголки рта поневоле подергиваются. Черт бы его побрал. Он бесит, он слишком самоуверенный и немного забавный, и это совсем не помогает.

– Что ж, – фыркаю я, вздернув подбородок, – некоторые из нас не изменяют своему безупречному виду, даже когда день выдался хуже некуда.

Выражение лица Джесси слегка смягчается.

– Да, ну… ты правда отлично выглядишь.

[13] OSHA – Управление по охране труда. *Прим. пер.*

Прежде чем я успеваю решить, что я об этом думаю, он разворачивается и возвращается за барную стойку, будто сейчас ничего не случилось. Как будто не он только что поймал меня, пошутил и, возможно, сделал комплимент, и все это за десять секунд.

Я делаю глубокий вдох и провожу ладонями по свитеру.

А потом сажусь обратно на барный стул, достаю телефон и отправляю сообщение Луке.

Я: Чуть не вписалась лицом в витрину с имбирными человечками. Спас парень в клетчатой рубашке. Это теперь моя жизнь.

Лука: Скажи мне, что это значит что-то погорячее, чем твои слова!

Я: Нет.

Лука: Блин. Ты в порядке?

Я: Вроде бы да. Я просто… наверное, скучаю по дому.

Лука: Мы тоже по тебе скучаем. Папа сделал рождественский пунш. Преступление против природы. Не забудь вечером позвонить нам.

Я: Обещаю.

Я убираю телефон обратно в сумку. Затем осторожно, шаг за шагом, направляюсь в туалет, определенно не вспоминая, как ощущались руки Бейсболки на моем теле.

Ладно. Я вернулась из уборной. Задача умыть лицо выполнена. Возможно, я даже немного поболтала сама с собой. Разочарованно полистала ленты социальных сетей… и нет, я не отвечала на очередное идиотское сообщение от Моники Мосс.

Еще несколько постояльцев рискнули выйти в такую погоду и добрались до бара. Перед каждым стоят напитки. Эл была права: гостиничный бизнес не закрывается из-за такой мелочи, как метель. Очевидно, что гости хотят свою выпечку и сидр в любую погоду.

Я решила, что мой первый мартини станет единственным. Я и так сегодня немного эмоциональна. Мне не стоит напиваться. Это может быстро обернуться катастрофой.

– Так что ты здесь делаешь?

Я забираюсь обратно на свое место и вижу, как Джесси облокачивается на барную стойку, скрестив руки на груди. Его голубые глаза сверкают любопытством, и я не могу понять, ему правда интересен мой ответ или он просто ищет повод подколоть меня. Настрой у меня подозрительный.

Возможно, потому, что я чувствую себя немного жалкой, я решаю сказать правду и медленно выдыхаю:

– Я не могу улететь домой в Лос-Анджелес из-за метели.

Он присвистывает:

– Облом.

Я киваю:

– Ага. Эл пригласила меня сюда на Рождество, но я надеялась, что погода успокоится и я все же смогу сесть на самолет. – Я указываю на окно. – Очевидно, в ближайшее время этого не случится.

– А кто у тебя в Лос-Анджелесе? – спрашивает он.

– Вся моя семья, – отвечаю я. – Родители, бабушка. Брат… сестры. И четыре племянницы.

Он снова присвистывает:

– Четыре племянницы!

– Ага. У моих сестер по две дочери.

– Значит, парня у тебя нет? – продолжает Джесси как ни в чем не бывало и трет затылок.

– Прости?

Я не совсем понимаю, как мы от метели перешли к парню за две десятые секунды.

Джесси пожимает плечами:

– Я подумал, его, наверное, нет, иначе он был бы сейчас с тобой.

Я расправляю плечи и натянуто улыбаюсь.

– Да, я одна на Рождество. Спасибо, что обратил на это внимание.

– Я не хотел…

– Нет, все нормально. У меня сейчас нет парня, – признаю я. – И я *не* в активном поиске.

Не знаю, зачем добавила последнюю фразу. Возможно, чтобы дать понять, что он меня не интересует.

– Перерыв? – спрашивает он.

На моих губах появляется кривая улыбка.

– Что-то в этом роде. У меня талант выбирать очень успешных козлов. Мне нужно пересмотреть свои вкусы в мужчинах, прежде чем я случайно выйду замуж за кого-то, у кого окажется тайная вторая семья.

– А, – многозначительно произносит он, протирая стойку. Затем добавляет: – Может, дело в пруду, где ты ловишь рыбу. Ты никогда не думала о том, чтобы уехать из Нью-Йорка?

Ого. *Такого* я не ожидала. У меня вырывается резкий смешок.

– Что? И переехать сюда? В страну коз и яблочного повидла? – Я качаю головой. – Я люблю Эл, но я не деревенская девушка. Я девушка небоскребов и пробок. Девушка круглосуточной доставки и бутиков.

– Понял, – Джесси кивает.

– А что насчет тебя? Девушки нет?

Черт. Я уже жалею, что сказала это. Свалю на мартини. Потому что мне совершенно точно нет дела до того, есть ли у Батлера девушка. В смысле… с чего бы?

Медленная, понимающая улыбка расползается по его лицу, будто он наслаждается этим чуть больше, чем следовало бы. Мое сожаление о сказанном усиливается.

– Нет. Девушки нет.

Я внимательно смотрю на него.

– У тебя тоже перерыв?

Он пожимает плечами:

– Можно и так сказать.

Хм-м. Теперь я вынуждена указать ему на его же логику.

– Что? Ни одна деревенская девушка в клетчатой рубашке, заготавливающая яблочное повидло, не привлекла твоего внимания?

Он смеется и качает головой.

– Единственное внимание, которое я здесь привлекаю, исходит от любительниц бутиков из города, которые приезжают на выходные. Ну, знаешь, которые носят каблуки в снег и заказывают мартини вместо сидра.

Я медленно моргаю, а затем прищуриваюсь. Я вижу тебя насквозь, сэр.

– Да, – продолжает он, – которые бесстыдно флиртуют, а потом уезжают обратно в Нью-Йорк.

Я позволяю этим словам повиснуть в воздухе на секунду. Затем приподнимаю бровь.

– Ничего себе. Должно быть, утомительно отражать все это воображаемое внимание.

Он снова трет затылок.

– Ладно, возможно, это не так прозвучало. Я не имел в виду тебя – я имел в виду, ну, общий архетип. Статистика. – Он закусывает губу. – Знаешь что? Я лучше заткнусь.

Ой, что это? Я одержала победу в словесной дуэли с Бейсболкой? Счет один – ноль в пользу Агостини. Только это не чистая победа, потому что я не могу не заметить, что его щеки слегка покраснели, и это выглядит привлекательно.

Я верчу в пальцах бумажную салфетку для коктейлей, чтобы не смотреть на него. Затем жужжит мой телефон. Я уже знаю, что это Моника, но впервые за весь день я благодарна за ее сообщение. Я достаю телефон из сумки и смотрю на экран.

> Моника: Как думаешь, мне стоит сменить имя в «Инстаграме»[◊]? Что-нибудь вроде @MonicaUnfiltered?

У меня вырывается стон.

– Перестань мне писать, – говорю я телефону, будто Моника может меня слышать.

– Ты кому?

– Клиентке. Монике. Она думает, что «срочно» означает любую мысль, которая приходит ей в голову.

Джесси приподнимает бровь:

– И ты отвечаешь ей… зачем?

Я пожимаю одним плечом:

– Потому что она знаменитость и это вроде как моя работа.

Он медленно кивает:

– Значит… ты высокооплачиваемая нянька?

– Как-то так, – я вздыхаю. – Раньше я была пиарщицей. Но теперь все иначе. Не как прежде. В какой-то момент из мечты это превратилось в бесконечную гонку, из которой я не могу выйти.

Он трогает языком щеку.

– Почему бы тебе просто не выключить телефон?

Я моргаю.

– Что?

– Выключи. Его. Выруби. Положи в морозилку. Отдай еноту. Не знаю – просто перестань позволять ему управлять твоей жизнью.

Я смотрю на него так, будто он только что предложил мне отказаться от кислорода.

– Ты говоришь так, будто это пустяк.

– А разве нет?

– Нет, – отвечаю я. – Я работаю в сфере связей с общественностью. Мой телефон – это практически еще одна конечность. Выключить его – все равно что отрубить себе руку ножом для масла. Половина моей работы – следить за тем, чтобы клиенты не писали в Сети всякие глупости и оскорбления. Даже в Рождество.

– Но только представь, – говорит он, слегка наклоняясь вперед. – Покой. Тишина. Сладкая, сладкая тишина без сообщений.

Я открываю рот, чтобы возразить, – и закрываю его.

И впервые за, наверное, вечность… я правда об этом задумываюсь.

Эта мысль одновременно пугающая и… вроде как забавная. Словно прыжок с парашютом, или дрессировка львов, или… брак. Ну, для некоторых.

Внутри я все еще переживаю из-за его возмутительного предложения, когда рядом со мной появляется Сэра с испачканными мукой руками.

– Мария, – говорит она, сияя, – я слышала, ты нашла котенка.

Я выпрямляюсь. Это мой шанс уговорить Сэру стать кошачьей мамой.

– Да. Маленькая черная кошечка. Очень милая.

– Ты оставишь ее себе? – спрашивает она.

Я вздыхаю:

– Не могу. Моя квартира в городе не приспособлена для котят.

Сэра хмурится:

– Я бы взяла ее, но моя кошка буквально устроит переворот.

– О нет. – Я хмурюсь, не скрывая разочарования. – Значит, теперь мне нужно найти кого-то с золотым сердцем и без кошек в доме.

– Я возьму ее.

Я поворачиваю голову в сторону Джесси так быстро, что чуть не сворачиваю себе шею.

– Что?

Он пожимает плечами, перекидывая барное полотенце через восхитительное мускулистое плечо.

– Я возьму котенка.

Мои глаза сужаются.

– С каких пор *ты* хочешь взять котенка?

Он непринужденно облокачивается на барную стойку.

– С тех пор, как понял, что кошка или кот – это меньше хлопот, чем собака, и я не против компании.

Я скрещиваю руки на груди и снова недоверчиво щурюсь.

– Угу. И?

Его губы подергиваются.

– И что? Ты только что сказала, что котенку нужен дом.

– Я также сказала, что ему нужен хозяин с золотым сердцем.

– Ауч. – Он наклоняет голову, уголок его рта дергается вверх.

Я продолжаю сверлить его взглядом.

– Вау, – говорит он, поднимая руки в защитном жесте, – я предложил взять беззащитного котенка, а ты это осуждаешь? Это жестоко, Агостини.

– У меня проблемы с доверием, – бормочу я.

Мы некоторое время смотрим друг на друга, прежде чем я отвожу взгляд и говорю:

– Я подумаю.

Сэра фыркает. Джесси усмехается, качая головой.

– Ладно, *принчипесса*. Не торопись. Мое предложение в силе.

– Перестань меня так называть.

Я хмурюсь. Почему я злюсь на его предложение? Моя реакция не имеет смысла, но я чувствую, как во мне поднимается упрямство, как маленький глупый воздушный шарик.

Джесси подмигивает и исчезает на кухне.

И да, я испытываю легкое волнение из-за того жеста. И немедленно его подавляю. И также сваливаю все на проклятый мятный мартини. Этот коктейль не пошел мне на пользу.

Я поворачиваюсь обратно к Сэре.

– Как думаешь, Шарлотта может захотеть взять котенка? – Шарлотта – младшая сестра Эйдена, она тоже работает в гостинице. Ей двадцать четыре, она очень милая. Я не очень хорошо ее знаю, – мы вместе работали прошлой осенью, чтобы раскрутить социальные сети гостиницы и сада, – но у нее большое сердце, и она выглядит как человек, который приютил бы бездомное животное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.